

### 43. ГЕНЕРАЛ И ЕГЕРЬ

Генерал – это Валерий Фролов, его мой читатель знает. Егерь – это Михаил Новиков. Кто такой Новиков? Для знакомства привожу отрывки из его письма:

«Здравствуй те, Анатолий Николаевич!

Вот передо мной лежит газета с очередной Вашей хроникой. Что же вытекает из того, что белорусы находятся между небом и землей?

Я наблюдаю в своей деревне Клетное Борисовского района печальную картину, как мужики, работая в лесхозе, со страшной силой душили лес. На подсознательном уровне они чувствовали, что так с природой поступать нельзя, и потому спивались и оскотинивались. Наступила развязка – почти все раньше времени ушли в мир иной. Тридцать три вдовы бывших лесорубов живут в нашей деревне.

Вопрос был Вами поставлен правильно: «Никак не выказал своего отношения к трагедии белорусов Бог. Вину за Чернобыль на себя не взял, Ноев ковчег белорусам не послал».

Ответьте мне: а за какие заслуги Бог должен послать белорусам ковчег? Почему он должен взваливать на себя чужие грехи?

У нас в Клетном живет семья переселенцев из Брагинского района, из деревни Острогляды. Ему 71, жене под 70. Пьют запоями, жена – больше, чем муж, и дичают. Корова, лошадь, свиньи когда кормлены, когда нет, когда поены, а когда режут день и ночь.

Они начали дичать в Остроглядах еще до Чернобыля. Он был в колхозе пасечником, убил на пасеке всех маток, через полтора месяца пасека пропала, а он ходит, хихикает. Спаси такого – он Вселенную, как пчел, уничтожит...

Приглашаю Вас к себе в гости».

Решив свозить генерала к егерю, недели три я согласовывал поездку с Новиковым. Сообщил, что приеду не один, а с политиком, раздражающим президента. Я думал сам и спрашивал у Новикова о том, не навредит ли ему приезд Фролова, не будут ли представители местной вертикали мстить Новикову за контакт со смутьяном. На мои вопросы и сомнения Новиков отвечал четко: всех уже отбоялся, приезжайте с Фроловым, буду рад.

Выезд назначили на воскресенье 18 апреля 2004 года. Фролов обещал позвонить утром и сообщить, в каком часу подъедет на машине к моему дому. Утром 18-го я не дождался звонка. Стал разыскивать Фролова. Его телефоны, включая мобильный, не отвечали. Фролов как в воду канул. Я начал волноваться: не украли ли за ночь генерала, как Гончара и Красовского?

Ближе к полудню от Фролова поступил-таки звонок. Пропавший депутат был жив-здоров, сказал, что с утра навалились важные дела и что заедет за мной в 14 часов. Я взмолился: «У нас будет мало времени. Не сможем как

следует поговорить и познакомиться с Новиковым. Давайте перенесем поездку». – «Едем сегодня!»

В подержанном «Мерседесе» светлого окраса Фролов сидел впереди, справа от водителя, называвшего Фролова на «ты», отчего я заключил, что они родственники. Фролов, изредка поворачивая ко мне лицо, говорил ветровому стеклу. Отдавая дань вежливости, он доложил, что моя книга понравилась и что она с ним везде. «Да, – подтвердил шофер, – я видел ее у тебя в туалете».

Пропустив мимо ушей уточнение шофера, Фролов сообщил, что сегодня в бане его узнали мужики и что это приятно, значит, люди знакомы с его политическими взглядами, и надо настойчиво работать, чтобы к осени набрать процентов семь рейтинга. «Каким образом?» – спросил я. «Через прессу, – ответил Фролов, – ну, и еще кое-что можно придумать. В бане с мужиками я серьезно подискутировал. Хожу в обычную баню, к народу».

То, что его, голого, узнали мужики, так растопило душу, что генерал поделился со мной радостью, проболтавшись о бане и забыв, что говорил мне ранее, а, точнее, не заботясь о щепетильной обязательности и подлинной искренности общения.

В дороге Фролов умело ориентировался на местности с помощью карты-схемы, нарисованной Новиковым. Останавливались один раз: в лесу увидели пушистые подснежники. Фролов нарвал букетик, приладил в багажнике машины, где лежала пачка газет с его интервью. Он был сентиментален.

Лесная деревня Клетное стоит на границе Березинского заповедника. В ней 150 хат, многие с заколоченными окнами. Двухэтажное деревянное здание бывшего лесхоза, черное от солнца, дождя и заброшенности, похожее на огромную гору, висело над деревней, давило на психику. Уродовал улицу большой деревянный клуб, такой же черный и тоже заброшенный.

Усадьба Новикова располагалась на отшибе селения, обособленным хутором приткнулась к лесу. Подъезжая к ней, я услышал высокий звук дисковой электропилы. Это был звук жизни. Он показался неожиданным после тишины и безлюдья деревни Клетное.

Михаил Васильевич Новиков вышел к нам с головы до ног обсыпанный ослепительно белой, как снег, деревянной стружкой. Это был цвет жизни. Новиков, ожидая нас с утра, не сидел сложа руки. В своей столярной мастерской они пилил-строгал детали для будущего дома.

Деревянный двухэтажный дом уже возведен, накрыт, но стоял слепой, без окон. Окна хозяин прорежет, когда деревянный сруб уляжется, успокоится. После окон и дверей придет черед стенам облагородиться ясеновой и дубовой обшивкой. А затем будет возведена на два этажа печь собственной конструкции.

Верю, что печь загудит от первого огня, что дом нальется теплом, чтобы в нем затеплилась и никогда не кончалась независимая жизнь, для поддержания которой Новиков создал на своей усадьбе необходимые условия: пилораму, зерномолотилку, несколько сараев для скота, пчелопасеку, баню, зарыбленный пруд, пашню и луг, сад и кедры, живущие пятьсот лет...

Новикову 49 лет. Невысокий и худощавый, он скорее походит на романтического юношу с пылким взглядом, чем на того старца-мудреца, которым я представлял его из письма. Служит он егерем лесохозяйственного хозяйства Борисовского лесхоза. На службе Новиков получает в месяц 230 тысяч рублей, из которых, как он иронично выразился, 30 тысяч – собачьи (выделяются на содержание одной служебной собаки, вторую он кормит за свой счет).

Новиков одновременно работает государственным лесным инспектором. За ним закреплено 10.000 гектаров угодий, где водится более ста кабанов и столько же косуль, а также обитают лоси, медведи, рыси, зайцы, лисицы...

Все живое егерь-инспектор учитывает, охраняет, подкармливает. Без Новикова на тех же десяти тысячах гектарах совсем недавно жили всего 5-7 косуль. «Чего стоило увеличить стадо животных, известно только мне и Богу», – говорит Новиков.

Свои служебные хлопоты он фиксирует в толстых тетрадах. Ежедневно. Таково требование начальства, оно хочет знать, чем занимается егерь, по сути предоставленный сам себе. Мы с Фроловым спрашивали, часто ли заглядывает начальство в его тетради. «Может, пару раз и заглянуло, – усмехнулся Новиков. – Пишу для себя. Это отчет перед собой. Перед совестью. Перед потомками».

Я просмотрел тетради Новикова. Начал зачитывать вслух выдержки, чтобы услышал Фролов. Да тот вдруг выпалил с пионерским энтузиазмом: «Жрать хочу!»

Мы, даю рекогносцировку, уже сидели за хлебосольным столом, куда пригласила жена Новикова, Валентина Евгеньевна. К сожалению, осмотр усадьбы и хозяйства получился беглым, Фролов был невнимателен, спешил. Увидев щедро накрытый стол, не сдержал эмоций: «Ух, как я жрать хочу!»

Не знаю, что демонстрировал генерал: показную простоту, сильнейший голод, бесцеремонность, глупость?.. Мне было стыдно за него. Хозяева из учтивости как бы ничего не расслышали.

Чтобы уладилась неловкость, покинем на минутку гостеприимный дом Новиковых. Когда через месяц генерал с соратниками устроили голодовку на минской квартире Фролова, я часто вспоминал, как он возбудился при виде накрытого стола, и понимал, как ему невыносимо хочется «жрать», и жалел его.

Я по-человечески жалел голодающего Фролова, несмотря на фарсовость голодовки, предпринятой то ли во имя нового избирательного закона, то ли ради рейтинга, то ли в медицинских целях, о чем Фролов ляпнул в московском телесюжете, умело процитированном на БТ.

На фарс походила также акция протеста 21 июля 2004 года, бестолково, без тщательного изучения исходных данных организованная Фроловым и подтвердившая отсутствие у него «армии».

Генерал стремительно осваивает роль политического шута. Он блестяще исполнил ее в интервью Вячеславу Оргишу, где принялся перечислять

высокопоставленных российских друзей из военных и разведчиков, которые-де ему советуют и помогают, ибо они «высочайшего уровня патриоты». Ну, чего следует ожидать от политика, который хватается за патриотизм, как нищий за торбу с объедками?

Вернемся в Клетное. Убедитесь, насколько значительнее политической мишуры дневник егеря Новикова! Я верю каждому его слову. С разрешения автора цитирую пару страниц из толстой тетради:

«12.10.2003. Воскресенье. Утром с сыном Тарасом сходили к вывернутой ели. Пойдет на доски для ремонта хранилища зерна в 23 квартале. В д. Люпец в сад к Булаю Петру приходила медведица, 13 см. ширина лапы, два медвежонка по 8-9 см. лапа, медведь, 14,5 см. лапа. Едят яблоки.

18.10.2003. Суббота. Утром приехали охотники. Зверя поднимали в каждом квартале. Дубель Николай посивел от страха, когда на него вышло стадо кабанов. Кабан порвал собаку, возили в деревню Барань штопать.

8.03.2004. Понедельник. Утром -6. Сходил в 19 квартал, куда пошел по следам Скурата Василя. Нашел на заячьих тропах шесть его петель. Ловит зайцев. Сходил в деревню, нашел Скурата, хорошенько отчитал его. Стоял передо мной, подбородок мелко дрожал.

20.03.2004. Суббота. Утром +3. Дочь с зятем уехали в деревню Дмитровичи на место службы. Пошла по моим следам. Только что закончила мой техникум, направили помощником лесничего. Приехала машина, погрузили вещи. Молодые уехали от меня. Отпочковались. Сходил на подкормочную, кабаны сидели в канаве. Когда подошел, начали убежать в лес. Все было съедено, всыпал им кг. 20 зерна.

28.02.2004. Суббота. Утром - 2. На лошади отвез в 70 квартал кг. 180 зерна. Снега выпало столько, что всю дорогу сунул его днищем саней, чуть доехал. Там все было съедено. Косули истоптали бор перед подкормочной, их там было 8. Тарас в 15 часов сходил в 28 квартал, на подкормочной видел 13 кабанов, всыпал им кг. 20 зерна. Косули подпустили сына на 14 м.

29.02.2004. Воскресенье. Утром -2. Привез два воза леса с высоковольтной линии. Тарас сбегал в 28 квартал, там видел кабанов, почти не уходят при виде человека. Всыпал им кг. 20 зерна, они при нем стали есть. Он ушел, не стал им мешать. После обеда делал евроремонт клозета. Вечером протопил баню.

14.04.2004. Среда. Утром -3. В четыре утра сходил в 70 квартал, там токовал глухарь. Видел пять тетерок. После обеда вывезли с женой навоз от дома на огород.

15.04.2004. Четверг. Утром -3. Вспахал под гряды и соток 10 под овес. Немного попил материалы для хранилища. Вечером сходил в 34 квартал, на ток прилетел один глухарь.

16.04.2004. Пятница. Сходил в 4 утра в 32 квартал, на току был один глухарь. Заглянул в 28 квартал, на подкормочную кабаны заходят, хотя сыпать им нечего, овес там закончился. Надо подвезти. Видел на шлюзе

бобров 3 штуки. Под вечер пахал поле под овес. Отремонтировал старый мотоцикл.

17.04.2004. Суббота. Утром на мотоцикле проехал в 70 квартал, там глухаря на току не было. После обеда пилили материалы. На озере воевал целую ночь с браконьерами. Сеть у них забрал».

Дневник говорит, что его автор – максималист, педант, «зеленый», борец. В Новикова стреляли, таскали по судам, сожгли материнский дом. От обиды он уезжал с большой семьей (трое детей) на Урал, в Печоро-Ильчском заповеднике три года работал лесотехником.

Когда обида притихла, возвратился на родину. Устроился в Березинский заповедник мастером по биотехнии. За ним закрепили озеро Палик и реку Березину. Охранять. Защищать от браконьеров и ... непосредственных начальников.

Новиков составлял протоколы даже на главного лесничего, которого называл могильщиком заповедного дела. «Заповедник – не проходной двор, а общая родина человека, зверя, птицы, рыбы», – говорит Новиков, поднимаясь до уровня зрелой политики.

Из Березинского заповедника ему пришлось уходить. Иначе загрызли бы. В деревне Клетное поселился в служебном помещении умершего лесхоза.

Живут Новиковы весьма скромно. Две комнатки, обогреваемые печкой. Спартанская мебель. Голые лампочки под потолком. Все деньги идут на строительство нового дома.

На стене – солидная композиция из полок, заставленных книгами. При нашем разговоре Михаил Васильевич пару раз подходил к полкам, доставал нужную книгу, цитировал то, что ему нравилось. Ему по душе ведическая (языческая) цивилизация, когда люди жили в согласии с природой, друг с другом, когда политическая составляющая общества практически отсутствовала, не заряжала народы ложными целями и взаимной ненавистью.

Дневник Новикова, часто встающего на край обрыва, заставил меня еще раз подумать о его безопасности, связанной с визитом Фролова. Я спросил Новикова, не боится ли он, что в отместку за контакт с оппозиционером сожгут его новый дом, хозяйственные постройки. Новиков ответил так, как ранее: всех отбоялся! Я спросил Валентину Евгеньевну о том же. Она ответила, как муж. Я предложил в будущей публикации изменить их имена либо не указывать их точный адрес. Новиковы запротестовали, а Фролов сказал:

–Я компенсирую!

За столом повисла неловкая пауза. Ни Новиковы, ни я не ожидали столь нелепого участия высокого гостя в их судьбе. Если, не дай Бог, их хозяйство, нелегкий труд, мечты и надежды, – если все это пойдет огнем и дымом, то Фролов взамен даст деньги. Но разве можно компенсировать всю жизнь? Разве она подлежит денежной оценке? И кто оценит? Фролов? А по какой методике? С точки зрения полезности пожара на усадьбе Новикова для карьеры Фролова?

После паузы Новиков тихо попросил:

–Если станете президентом, Валерий Дмитриевич, не порывайте с хатой. Там вы будете принимать разумные решения.

–Не согласен! – пылко возразил Фролов. – Это узкое восприятие жизни. Вы хотите в лесу сидеть, глядеть пчел. И хотите, чтобы ваша точка зрения руководила в государстве. А кто электричество вам дал?

–Тот, кому это нравится делать, кто этим зарабатывает на жизнь, – спокойно ответил Новиков. – Зачем над ним и мной командировать? Мы сами установим экономические отношения.

–Мне не нравится ваш подход в том, что не надо политиков! – Пафосный Фролов явно не понимал Новикова.

–Я самодостаточен! – просто пояснил Новиков. – А политики довели страну до того, что пять поколений не видели нормальной жизни. Когда станете президентом, прошу вас, от имени власти покайтесь за все ее злодеяния.

–Я не хочу за них каяться!

–Но вы же идете во власть! – изумился Новиков и повысил голос, будто говорил глухому. – Люди раздавлены властью. Перед ними надо извиниться. Другой власти они не видели.

–Я ни в чем не виноват перед людьми! – Фролов все-таки не слышал, что доказывал Новиков.

–Я не пошел бы в президенты, даже если бы за меня проголосовали сто процентов, – сказал Новиков то, о чем, видимо, думал не раз. – Потому что не смогу изменить людей. Лучших людей власть уничтожила в Гулаге, в Куропатах.

–А я пойду! – сказал Фролов. – Чтобы изменить жизнь!

–Не получится. Надо с себя начинать...

Они говорили на разных языках, стояли на диаметрально противоположных позициях и в случае прихода Фролова к власти непременно столкнулись бы лбами. Фролову обузой станет самодостаточный крестьянин, иронично воспринимающий властителей мира сего, а Новиков не сможет почитать президента, не понимающего морально-нравственной сути власти.

Почему Новиков не может быть президентом, если у него есть базовые данные: высокий интеллект, совесть, социальная активность, знание жизни, понимание власти как высшей моральной категории, то есть власти от Бога? Только потому, что он не хочет быть президентом. Оставаясь на своем месте, он предельно компетентен. Новиков – источник, хранитель, стабилизатор, консерватор жизни.

Почему Фролов возжелал поработать президентом, если, как я убедился из его истинных внутренних движений, слов и поступков, он не дорос до Новикова? Подчеркну, мне удалось увидеть натурального, а не рекламного-

раскрученного Фролова. Генерал на фоне егеря выглядит как недоросль. Недоросль политический.

В августе 2004 года радио «Свабода» сообщило и пережевало новость о том, что генерал Фролов вступил в социал-демократическую партию (Народную Грамаду). Он действовал последовательно.

В апреле 2004-го, в машине, по дороге от егеря Новикова, Фролов вслух мечтал-рассказывал то ли себе самому, то ли мне о том, что после достижения рейтинга семь процентов он «возьмет под себя» все белорусские партии социал-демократического толка. Объединит, возглавит, использует как инструмент для взятия власти. «Вряд ли выйдет, – усомнился я. – Там же свои лидеры. Они будут сопротивляться». – «Выйдет, б...дь!» – смачно ругнулся генерал.

Новиков, обеспокоенный тем, что Фролов быстро уехал, не выслушав его до конца, прислал мне письмо, еще раз попытался убедить генерала покаяться перед народом за грехи власти. Новиков писал: «Я бы хотел, чтобы наш второй президент был личностью и понимал: не важно, что входит в нас, важно, что выходит. А выходить из нас должна любовь. Покаявшись, новый президент мог бы начать карьеру с чистого листа, не мараться деяниями предыдущих правителей. Покажите Фролову мое письмо. Я не собираюсь его учить, это мои мысли вслух. Передайте ему мое предложение приехать денька на два, чтобы продолжить дискуссию».

Предложение Новикова о новой встрече я передал Фролову. Генерал сказал, что поехать нет возможности. Новиков ему бесполезен. Похвалив егеря в очередном интервью и таким образом засветив перед публикой связь с жизнью, политик переступил через человека, чтобы идти к цели – к власти.

Шагая через людей, политик приходит на вершину власти один. История человечества фактически и состоит из подобных трюков. Путь к власти аморальнее, чем сама власть.

2004